

Анатолий Беляев

Судьба геолога

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ

Диссертация это научно-исследовательская работа, подготовленная для публичной защиты и получения ученой степени. В Советском Союзе и в России - две ученые степени кандидата наук и доктора наук.

Кандидатскую работу я начал писать как-то вдруг, прямо в экспедиции. Днем ходил в маршруты, а вечерами яростно стучал по клавишам портативной пишущей машинки, набирая текст рукописи. Никогда еще мне так в охотку не работалось как в тот год. Ночью я плохо спал, ожидая рассвета и возможности начать работать

В состоянии творческого подъема я так сильно бил пальцами по клавишам пишущей машинки, что литера с буквой «о» насквозь пробивала пять листов вместе с копировальной бумагой. Все листы оказывались с дырочками от выпавшего кружка буквы «о». Поэтому, когда работа подошла к стадии оформления, я отвезил машинистке главы для чистовой печати. Однажды я привез машинистке новую главу и хотел забрать уже отпечатанную. На звонок входную дверь открыл мальчуган лет пяти смуглый и курчавый как Пушкин в дет-

стве. Он взглянул на мою потертую кожаную куртку и с уважением спросил:

– Ты кто, водопроводчик?

Я не стал разочаровывать мальчишку и признаваться в своем низком социальном статусе научного сотрудника, а просто кивнул в ответ.

Тут в коридор вышла машинистка и сказала сыну:

– Вахтанг, иди, убери свои игрушки.

Мальчик послушно отправился в свою комнату, но по пути обернулся, доброжелательно посмотрел на меня и улыбнулся. В его кудрявой головенке явно мелькнула мысль: «водопроводчик это человек!»

«Такой маленький, а уже Вахтанг!» – уважительно подумал я.

Машинистка отдала мне отпечатанную главу и взяла новую работу.

В следующий раз дверь мне открыл тот же мальчишка. Мать, видимо, его предупредила, что придет не водопроводчик, а ученый, который пишет диссертацию. Но, в понимании мальчишки водопроводчик был фигурой куда более значительной.

– Ученый! – с растяжкой произнес мальчишка вместо приветствия. – Ученый! – с явным презрением в голосе повторил он.

«Я-то думал он водопроводчик, а он ученый!» – можно было прочитать на его лице.

Я развел руками, всем своим видом показывая, что тоже сожалею о незавидной судьбе ученого.

– Не всем же быть водопроводчиками, быть может, тебе повезет больше, – ободрил я мальчугана.

Наконец, я сдал экземпляр диссертации в нашу научную библиотеку и получил разрешение на печатание автореферата – краткого содержания диссертационной работы.

– Где ты будешь печатать автореферат? – поинтересовался доцент Саша Харитонов – мой постоянный оппонент в спорах о геологии Северного Приладожья.

– Брат обещал помочь напечатать в типографии ВСЕГЕИ.

– Обязательно договорись за отдельную плату напечатать двадцать экземпляров сверх нормы.

– Неужели не хватит стандартной сотни для обязательной рассылки в диссертационные советы геологических ВУЗов и институтов?

– На всякий случай!

– На какой всякий случай, пожар, что ли случится?

– Вот, к примеру, у падишаха есть гарем и его охраняют евнухи. Конечно, у них и в мыслях нет желания покушаться на жен падишаха, за это сразу секир-башка. Но, на всякий случай евнухов кастрируют.

– Убедил, пример с евнухами очень удачный.

– Напрасно смеешься. Я печатал свой автореферат в нашей университетской типографии. Они «тянули резину» как могли – то у них порошок закончился, то, вдруг, спирт понадобился – что-то там протирать. Получил тираж в самый последний день рассылки. Если бы опоздал, то пришлось ждать еще не меньше года, потому что истекли полномочия специализированного ученого совета. Я сразу побежал делать рассылку, запечатал конверты, подписал и отдал в почтовую экс-

педицию. А в типографии мне за спирт еще тридцать экземпляров сделали.

– Интересно, что они там протирают этим спиртом?

– Ясно что, свои желудки. А после рассылки я отправился дарить свои авторефераты. И первым мне в коридоре попался доцент Михаил Иванович Бураков. В автореферате я выразил ему отдельную благодарность за консультации по петрографии. Как положено, подписал автореферат: «...уважаемому, ...с благодарностью», и все такое. А Михаил Иванович человек дошный, поднял на лоб очки и, близоруко щурясь, внимательно прочитал все, что написано на обложке: Харитонов А.Л. «Геология гранитогнейсовых куполов Северного Приладожья». Открывает он обложку, а там, на первой странице, должно быть написано тоже самое, и читает:

«А.М. Шапиро «Диагностика паратифа у поросят».

«Это что такое?» – спрашивает он.

Я говорю: «не знаю, не успел посмотреть».

Он переворачивает страницу и читает: «Двадцать третий съезд КПСС поставил перед свиноводством новые грандиозные задачи. В связи с этим ...»

И тут я понял, что при брошюровке пьяные переплетчики вставили в мою брошюру страницы из автореферата какого-то биолога. Рванул в экспедицию, но не успел перехватить рассылку. Хорошо у меня лишние авторефераты были. Я их исправил и повторил рассылку, вложив туда письма с извинениями. Так что после типографии ты обязательно проверь все экземпляры.

Я выполнил совет Саши Харитонова и перед рассылкой проверил все экземпляры автореферата, а потом

по традиции отправился дарить их своим учителям. Но когда я принес экземпляр с дарственной надписью своему учителю Александру Сергеевичу Воинову, он с ухмылкой спросил:

– А ты все проверил, не получится также как с авторефератом Саши Харитонова?

Я жестом заверил Учителя, что все в порядке.

Когда Александр Сергеевич взял в руки автореферат он раскрылся посередине, там, где был прошит двумя скрепками. Мы с удивлением увидели, что в центре вставлен лист с бесплатными талонами на усиленное питание в столовой ВСЕГЕИ. Жаль, на талонах отсутствовала печать профсоюзного комитета, без которых они недействительны. А то мог бы целый месяц питаться в столовой института.

Естественно, что коллеги и друзья наперебой рассказывали мне разные истории о том, как проходят защиты диссертаций. И в первую очередь старую байку про защиту одного биолога. Одно из основных защищаемых положений его диссертации сводилось к тому, что органы слуха находятся у таракана в ногах. Но из многочисленных экспериментальных данных было совершенно не ясно так это или нет.

Тогда профессор старейший член Ученого совета спросил диссертанта:

«Коллега, ну а как вам впервые пришло в голову, что таракан слышит ногами?»

Диссертант вынул из кармана спичечный коробок, извлек оттуда таракана и положил на кафедру. Таракан замер, поджав лапки, не понимая - это уже свобода или еще нет.

Диссертант резко стукнул пальцем по кафедре, и испуганный таракан стремительно побежал по крышке. Биолог тут же его поймал.

«Бежит – значит, слышит!» – глубокомысленно заявил диссертант.

«А теперь, – он оборвал у таракана все ноги и положил на кафедру. Затем ладонью резко ударил по крышке, но от этого звука безногий таракан лишь перевалился с боку на бок. – Пожалуйста! – объявил диссертант. – Не бежит, значит, не слышит!»

Чаще всего мне рассказывал историю «с бородой» и я терпеливо выслушивал её много раз. Один диссертант, по очереди беседовал с членами Ученого совета, и говорил, что его обязательно «вынесут» с защиты, но умолял их проголосовать «за», чтобы в урне оказался хоть один положительный бюллетень. В результате все члены ученого совета проголосовали «за». Эта мало-правдоподобная байка даже использована как фабула для художественного фильма с Георгием Бурковым в главной роли.

Еще одну правдивую историю о защите своей кандидатской диссертацию рассказал мне один геолог ВСЕГЕИ. Материал у него был на докторскую, опубликованных статей за сотню, и он являлся соавтором нескольких монографий. В институте даже спрашивали друг друга, какую диссертацию он собирается защищать кандидатскую или докторскую. Защита прошла блестяще. Диссертант легко и даже с некоторой иронией отвечал на вопросы, в том числе и на каверзные. В отзывах на автореферат отмечалась научная новизна и

значимость работы, замечания практически отсутствовали. Не было ни одного критического выступления. Проголосовали, вскрыли корзину и обнаружили, что все члены совета голосовали «против».

Мудрый председатель не стал утверждать результаты голосования, а попросил присутствующих выйти на время для проведения экстренного закрытого заседания Ученого совета.

«Что же вы делаете? - возмущался председатель, - Критических выступлений не было, все отзывы положительные, и полная корзина черных шаров (отрицательных бюллетеней)! Он подаст апелляцию в ВАК и наш ученый совет распустят!»

«Но Вы же сами голосовали против», – ехидно заметил председателю один из членов ученого совета.

«Я объясню свою позицию, но предлагаю выступить по очереди всем членам ученого совета и рассказать, почему он голосовал «против».

Первым выступил старейший член совета, член корреспондент Академии Наук:

«Прекрасная кандидатская работа, почти докторская, поэтому я выступал за. Но когда дело дошло до голосования, бес меня попутал. Уж больно уверенно он отвечал на вопросы, будто знает все на свете. Прямо триумфатор какой-то. Дай, думаю, закачу ему один черный шар, чтобы не очень-то задавался».

Оказалось, что все члены ученого совета думали и голосовали также. Трудно сказать, насколько эта история правдивее первой, но ученый совет проголосовал второй раз, и все «шары» оказались белыми.

Еще одну замечательную историю рассказал мне доцент одного из технических вузов, ездивший с нами в геологические экспедиции во время своего отпуска в качестве рабочего. Он перешел на работу в другой вуз и его сразу включили в состав специализированного Ученого совета по присуждению кандидатских диссертаций. На первом заседании в зал вошел председатель, по-приятельски обнимавший за плечи уже пожилого диссертанта.

«Ну, с таким приятелем этот диссертант наверняка защитится единогласно», – подумал доцент.

Диссертация оказалась весьма слабенькой «на трочку». Диссертант плохо отвечал на вопросы, надолго задумывался и с недоумением смотрел на спрашивающего, словно хотел сказать: «Ну, что здесь может быть непонятно». Он явно хотел быстрее перейти в банкетный зал, в котором столы ломились от закусок и выпивки. Но в целом защита прошла нормально, хотя и прозвучали отрицательные отзывы и пара критических выступлений. Раздали бюллетени. Доцент, не задумываясь, проголосовал «за». Когда вскрыли корзину, то в ней оказался его один «белый шар», а все остальные черные. Формальных нарушений не было, так как члены ученого совета могли присоединиться к отрицательным отзывам и выступлениям, и протокол голосования утвердили. После заседания председатель утешал диссертанта:

«Видите, коллега, я сделал все что мог, но, увы, оказался в одиночестве».

Самой защиты диссертации я не боялся. За тринадцать лет работы в Карелии материала собрал более чем доста-

точно и свободно мог ответить на любой вопрос. И недоброжелателей среди членов Ученого совета не имел. В те годы я часто ходил на защиты моих приятелей и однокашников в другие Вузы и научно исследовательские институты. Бывали случаи, когда кто-то из членов ученого совета хотел завалить диссертанта и спрашивал: «А последнюю работу такого-то (далее следовало название работы иностранного автора) читали?»

Если диссертант честно признавался, что не читал, то оппонент добивал его фразой: «Там же все это есть». И оборачиваясь к членам Ученого совета, демонстративно разводил руками, словно восклицая: «Ну, что еще можно сказать по поводу этой работы». Присутствующие тоже, как правило, не читали названной работы, но авторитетному утверждению, что «там же все это есть» верили, и диссертант получал лишние черные шары.

Перед защитой председатель нашего Ученого совета профессор Николай Владимирович Котов меня предупредил, что первым всегда задает вопросы профессор Руденко из горного института и сразу начинает возмущаться: «ну, какие еще могут быть диссертации по Южной Карелии, сколько можно?» И еще он дал много ценных советов, как себя держать, отвечать на вопросы, и, главное, не бояться. Но я вовсе не боялся, и хотелось, чтобы это произошло как можно быстрее.

Накануне защиты диссертации работы было невпроворот. Я не спал уже несколько суток, глаза слипались, а утром предстояло сдать экземпляр диссертации в университетскую библиотеку. Крепкий кофе уже не помогал, и я жевал зерна, впрочем, без всякого успеха. И вдруг вспомнил, что коллега, недавно вернувшийся из Вьетнама, по-

дарил мне бутылочку с водной настойкой женьшеня. Он уверял, что это чудодейственное средство быстро восстанавливает силы. По рецепту следовало добавить столовую ложку коричневатой жидкости на стакан холодного чая.

Я налил две ложки. Эффект от приема тонизирующего средства превзошел все ожидания – сонливость пропала, голова стала ясная и сила в руках появилась как у боксера, хоть сейчас на ринг. Тогда я сразу решил принять женьшень непосредственно перед защитой, и заранее отнес бутылочку с настойкой на работу. Но в самый ответственный момент вспомнил про женьшень, когда уже надо было идти в зал Ученого совета. И, конечно, как всегда в таких случаях, ни стакана, ни чая поблизости не оказалось. Пришлось сделать добрый глоток настойки прямо из горлышка. Уже на пути в университетском коридоре препарат начал действовать, и кулаки сжимались как перед началом финального боя.

Зал ученого совета оказался полон, и я порадовался вниманию моей скромной персоне со стороны коллег. Доклад я сделал без запинки и мои друзья из задних рядов подняли большие пальцы, показывая, что все идет отлично!

Перешли к вопросам, и профессор Руденко сразу поднял руку. Я собрался и посмотрел на него без всякого страха.

«Левым джеббом ты достанешь его даже через стол», – подсказал внутренний голос, оценив расстояние.

«По уровню развития ты был и остался примитивным хулиганом – автослесарем второго разряда, –

мысленно парировал я дурацкий совет внутреннего голоса, – на первом вопросе и сразу в глаз!?)»

– Какими статистическими методами, Вы пользовались при обработке геохимических данных? – робко спросил профессор, явно напуганный воинственным блеском моих глаз.

Вопрос был хорош для защиты курсовых работ студентов третьего курса. Я немного смутился, ожидая подвох, но потом быстро ответил. Также легко я ответил на остальные вопросы и в конце даже немного расслабился. И тут один из членов Ученого совета попросил меня показать что-то на плакате, висевшем около входа в аудиторию у самого пола.

– Где? – переспросил я.

– Плакат номер двадцать четыре, самый нижний график, я не вижу какие нагрузки факторов по оси абсцисс?

«И чего он к тебе привязался? – недовольно зашипел внутренний голос. – Ты уже, можно сказать, кандидат геолого-минералогических наук, на все вопросы ответил блестяще, отзывы от оппонентов и ведущей организации отличные, при голосовании не будет ни одного черного шара».

Но тут после возбуждения, вызванного настойкой женьшеня, включилась моя тормозная система - захотелось спать, и я чуть не зевнул. А профессор не унимался и указывал: «левее, правее, ниже!» Присев на корточки я водил указкой по графикам, чтобы определить нужный.

И тут я расслабился и уснул, наверное, на пару секунд. Очнувшись, застыл, сидя на корточках и пытаюсь сообразить, как долго продолжался мой сон.

«Доброй Вам ночи! – съехидничал внутренний голос, – Сейчас обернешься, а в аудитории никого и за окнами темно».

Я медленно повернул голову и увидел, что все члены ученого совета на месте. От радости вскочил, как ужаленный, и бодро ответил на вопрос. Как потом оказалось, никто даже и не заметил, что я уснул.

– На тебя страшно было смотреть, – сказал мне после защиты доцент Володя Кривовичев, – ну, кто отвечает на вопросы с такой свирепой физиономией, в открытой боксерской стойке, демонстративно сжимая кулаки? Я опасался, что ты на заседании устроишь драку.

– Это все женьшень, передозировка. А ты не заметил, как я в конце уснул сидя на корточках?

– Заметил, ты даже качнулся вперед и чуть не врезался головой в плакат. Вот к чему приводит привычка спать на заседаниях Ученого совета факультета – даже здесь ты не удержался и выбрал минутку для сна.

Моя диссертационная работа называлась: «Гранитоидный магматизм Приладожья и Карельского перешейка и связь с ним оловянного оруденения». Совсем недавно я вдруг обнаружил в Интернете сразу несколько сайтов, предлагавших приобрести мою диссертацию в электронном формате из фондов Всероссийской государственной библиотеки всего за пятьсот рублей. Чтобы заинтересовать возможных покупателей тут же приводился список похожих работ, одна из которых,

на соискание звания кандидата психологических наук, называлась: «Нарушение избирательности мышления и их связь с шизофреническим процессом». Вначале я подумал, что это ошибка поисковой системы, но, открыв другой сайт, который также предлагал за пятьсот рублей электронный вариант моей диссертации, в списке похожих работ увидел такой перл: «Связь инфранианной ритмики физиологических процессов у животных с вариациями гелиогеофизических факторов». Очевидно, в алгоритме поисковой системы определяющим являлось слово «связь».